

Глава 14. Избежать беды

Император был не в духе.

— Говори, — раздражённо бросил он.

— Ранее, Ваше Величество, я спешил по нужде и, кажется, видел... видел начальника департамента из Министерства ритуалов Жуна на ипподроме.

В ведомстве было несколько начальников департаментов. Жун Цзюань, ещё не привыкший к своей должности, инстинктивно переспросил:

— Жун кто?

Стоявший перед ним Се Яньчжоу снова подумал, что на некоторых вещах экономить не стоит. Пожалуй, юноше следовало нанять учителя.

[Малыш Жун, это тебя вызывают.]

«Меня?»

Взгляд государя переместился, и почти все присутствующие уставились на молодого человека. Посол ужунов, увидев его, воскликнул:

— Это ты!

Его гнев мгновенно вспыхнул. Он смотрел на Жун Цзюаня так, словно перед ним стоял убийца его отца, готовый разорвать его на месте.

— Ты был на ипподроме? — мрачно спросил император.

Больше, чем судьба наследного принца, правителя злила сама дерзость покушения. Тот, кто осмелился подстроить это с наследником, мог сделать то же самое и с ним. Если бы он сегодня тоже сел на взбесившуюся лошадь, последствия были бы непредсказуемы.

[Этот пёс-сановник тебя оговаривает.]

Система была уверена, что в тот момент мимо никто не проходил.

Выступивший с доносом чиновник был поистине жесток.

Конюх мёртв. Любой, кто был поблизости от места происшествия, автоматически становился подозреваемым. Даже если в итоге ничего не найдут, тень сомнения останется в сердце монарха навсегда.

Но раз Система сказала, что никого не было, значит, так оно и есть.

Отрицание, казалось, было бы лучшим выходом — и для него, и для Хоу Шэня. Однако Жун Цзюань не спешил оправдываться. Даже самый смелый доносчик не осмелился бы на пустой оговор без улик.

Се Яньчжоу, до этого заслонявший юношу, вдруг шагнул в сторону.

Это было вполне естественное движение, ведь теперь юноша стал объектом допроса. Но генерал не сдвинулся с места, когда государь смотрел на него самого, почему же он отошёл именно сейчас...

Взгляд Жун Цзюаня незаметно скользнул по освободившемуся пространству и замер.

Следы.

На том месте, где стоял Се Яньчжоу, на земле отпечатались чёткие следы обуви, с различным узором на подошве.

Сегодня дул сильный ветер, и в центре ипподрома стояла пыль. Любой, кто прошёл бы здесь, непременно оставил бы следы. При тщательном сравнении можно было бы легко найти виновного.

Се Яньчжоу бросил ему ещё один, едва уловимый, предостерегающий взгляд. К сожалению, на этот раз Жун Цзюань его не заметил. Он молча отказался от мысли лгать.

— Был. Около часа назад.

— Почему молчал?!

В этих словах сквозило раздражение. Наследный принц только что пострадал, а Жун Цзюань, утверждавший, что покинул это место час назад, своим молчанием словно выдавал нечистую совесть.

Видя, что император в гневе, придворные, желавшие заступиться за юношу, были бессильны.

Одним — горе, другим — радость. Послы ужунов, видя, как отчитывают их врага, скрестили

руки на груди и с наслаждением наблюдали за представлением.

Между позором и казнью Жун Цзюань без колебаний выбрал первое. За несколько секунд он изменил выражение лица, приняв смущённый и виноватый вид. Красивая внешность в такие моменты была весьма кстати. По крайней мере, она располагала к тому, чтобы человека выслушали.

— Ваше Величество, — начал Жун Цзюань, подбирая слова, — я был там не один. Начальник департамента Хоу был со мной.

Се Яньчжоу взглянул на него. Он полагал, что из-за своей лени у Жун Хэнсуна не окажется свидетелей, и поэтому намекнул, что можно сослаться на него. Сказать, например, что он заранее приготовил здесь коня в качестве подарка за переданные лекарства. Придумать можно было что угодно.

Но генерал не ожидал, что на месте был кто-то ещё.

Хоу Шэнь.

Се Яньчжоу прищурился. Он почти не помнил этого человека. Лишь то, что, когда Жун Хэнсун был на больничном, тот однажды навестил его, постоянно обращаясь к нему «младший брат».

Хоу Шэнь, помогавший переносить принца в шатёр, примчался сюда сломя голову по зову евнуха и вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Увидев, что это Се Яньчжоу, он с облегчением вздохнул.

Генерал на всех так смотрел. А чиновник уже подумал, что снова кому-то перешёл дорогу.

— Приветствую Ваше Величество.

— Сознаёшься ли ты в своей вине?! — император намеренно спросил прямо, надеясь застать его врасплох.

Евнух, получавший от Управления по надзору немало взяток, по дороге вкратце обрисовал ситуацию. Хоу Шэнь изобразил испуг и недоумение.

— Не ведаю, в чём моя вина, Ваше Величество.

— Притворяешься! Был ли ты ранее на ипподроме?

— Был, — без колебаний ответил Хоу Шэнь, и подозрения монарха слегка рассеялись.

— Меня попросили помочь сделать несколько рисунков, — свидетель указал на Жун Цзюаня.

Все наброски были сделаны в небольшой записной книжке, которую Министерство ритуалов использовало для повседневных заметок. Чтобы доказать свою правоту, Хоу Шэнь достал её и в спешке быстро пролистал. Упрощённые, быстрые зарисовки, следующие одна за другой, напоминали чёрно-белую раскадровку.

Эстетика подобных набросков сильно отличалась от принятой в то время.

На рисунках Жун Цзюань, сидя на коне, с застывшей улыбкой манекена, принимал различные позы, словно пригвождённая к седлу бабочка, но так и не двигался с места. В конце — прощальная улыбка через плечо.

Все остолбенели. Даже стоявший рядом евнух был в шоке.

«Придворные сановники сошли с ума?»

Лица присутствующих выражали крайнее недоумение. Даже Великий инспектор едва заметно дёрнул бровью.

— Ты что, камлал на коне? — спросил доносчик, первым обвинивший Жун Цзюаня, не найдя других слов.

— ...

Собравшись с духом, Жун Цзюань закрыл глаза и начал свою игру.

— Ваше Величество, в прошлом я был страстным любителем верховой езды. Ныне, из-за слабости здоровья, я могу лишь с позором просить других запечатлеть меня на бумаге, чтобы утолить свою тоску... Это было так унижительно, что я не смел говорить. Прошу Ваше Величество о снисхождении.

— Что в этом унижительно?! — рявкнул император, снова с подозрением покосившись на Хоу Шэня.

Тот от испуга инстинктивно снова пролистал свою книжку. «Мультфильм» о пригвождённой к коню бабочке повторился.

Император замолчал. Придворные хранили тишину. Это и впрямь было несколько неприлично.

Руководствуясь инстинктом самосохранения, Жун Цзюань и Хоу Шэнь умолчали об одной

детали: во время сеанса рисования Жун Цзюань ненадолго отлучался. В подсознании у всех закрепилось, что они всё это время были вместе и могли служить друг другу свидетелями. К тому же, их прежние отношения были натянутыми — не было секретом, что Хоу Шэнь когда-то был зачинщиком травли коллеги.

Когда император успокоился, его подозрения почти рассеялись. Покушение на наследника — дело серьёзное. Даже дурак не стал бы брать в напарники едва знакомого сослуживца.

Великий наставник Су вовремя выступил вперёд:

— Ваше Величество, не лучше ли поручить расследование Управлению по надзору? Сейчас важнее всего проверить всех лошадей. Не дай бог, кто-то ещё пострадает или напугает Ваше Величество...

Внимание государя переключилось.

— Твои слова разумны, наставник.

Вот это было делом государственной важности.

Жун Цзюань молча вернулся на своё место.

«Наставник всё-таки надёжный человек».

Допрос был окончен. Из шатра наследного принца доносились крики боли. Император в сопровождении многочисленной охраны направился проведать сына.

Жун Цзюань, проводив их взглядом, на мгновение замер. Молодой человек из окружения Правого канцлера, словно почувствовав его взгляд, обернулся и улыбнулся.

Жун Цзюань прищурился.

В следующую секунду их взгляды преградила чья-то могучая фигура. Как только правитель ушёл, посол ужунов, не стесняясь, провел пальцем по горлу, угрожая юноше.

— Когда я отрубал голову их вождю, он был так же дерзок, — раздался голос Се Яньчжоу.

Увидев его, посол замер, его рука застыла в воздухе. В землях ужунов имя Се Яньчжоу и впрямь заставляло плачущих детей замолкать по ночам. Ужуны пытали пленных, но и генерал не уступал им в жестокости. Он не раз вырезал целые племена, не оставляя в живых ни людей, ни скота.

На этот раз посол даже не осмелился бросить угрозу и, смутившись, удалился.

— Что это он сегодня такой смирный? — с удивлением спросил Жун Цзюань.

Хоу Шэнь, подкосившимися ногами подойдя к ним, пояснил:

— Младший брат, ты не знаешь. Его Величество уже объявил о союзе с племенем Бай Сюй через брак принцессы. Ужуны и так боятся генерала Се, так что их робость вполне объяснима.

Делегации нужно было передать новость о союзе на родину, поэтому они теперь дорожили своими жизнями. Едва избежав беды, Хоу Шэнь хотел было подробно обсудить всё с другом, но, протянув руку, почувствовал, будто её пронзили иглами. Ледяной взгляд Се Яньчжоу заставил его задохнуться.

Бросив на Жун Цзюаня взгляд, полный сочувствия — «оставайся с этим исчадием ада на свой страх и риск», — Хоу Шэнь под благовидным предлогом скрылся.

Едва он ушёл, как прибыли сотрудники Управления по надзору. Во главе их был Бу Сань.

— Слышал, ты опять чуть не стал подозреваемым, — с усмешкой сказал он.

Гыр-гыр-гыр.

Что за звук? Бу Сань нахмурился.

Се Яньчжоу бросил взгляд на Жун Цзюаня, который ругался животом, но не выдал его. Словно ничего не произошло, юноша спросил у генерала:

— Кто тот молодой человек без чиновничьего одеяния, что стоял рядом с моим отцом?

Се Яньчжоу коротко бросил:

— Для массовки.

На сегодняшнем матче не могли участвовать одни лишь бездари. Если бы против ужунов вышли только солдаты, дело могло бы закончиться кровопролитием. Поэтому многие высокопоставленные сановники привели с собой своих сыновей или учеников. Тот, о ком спрашивал юноша, был одним из них.

Слишком расплывчато. Жун Цзюань повернулся к Бу Саню и снова подробно описал внешность того человека. Управление по надзору знало всё обо всех. Он думал, что Бу Саню потребуется

время, чтобы вспомнить, но тот сразу ответил:

— Ты говоришь о Гу Вэне. Ученик твоего отца, а ты не знаешь?

Жун Цзюань с чистой совестью покачал головой. Улыбка Бу Саня стала странной.

— Этот человек весьма учён. Среди всех учеников Правого канцлера он считается одним из самых выдающихся. Умеет ладить с людьми и весьма общителен.

Он сделал паузу:

— Сам Великий инспектор однажды сказал о нём: «Зло, сокрытое под личиной дракона». Жаль, что его предки были сосланы, и он не может участвовать в государственных экзаменах. Однако...

Жун Цзюань подумал, что у Великого инспектора и впрямь ангельское терпение. Если бы Система так изъяснялась, он бы давно раскатал её из 3D в плоский лист. Он бы показал ей, что значит «жизнь тоньше бумаги».

Выдержав паузу, Бу Сань с удовлетворением продолжил:

— Этот Гу Вэнь не только ученик канцлера Жуна, но и тайно служит советником у твоего старшего брата. И, похоже, он не стремится к чиновничьей карьере. С тех пор как процветает покупка должностей, требования к экзаменам стали мягче. Будучи учеником Правого канцлера, ему было бы нетрудно сдать экзамены.

— Гу Вэнь, — повторил Жун Цзюань. — Имя ему под стать.

Человек уровня Великого инспектора не стал бы бросать слова на ветер. «Цзяо» — водяной дракон, не имеющий божественного статуса на небесах. Это точно соответствовало нынешнему положению Гу Вэня. Он почти открыто назвал его порождением зла.

— Зачем ты о нём спрашиваешь? — не удержался от вопроса Бу Сань.

Жун Цзюань загадочно улыбнулся.

Гур-р-р.

Бу Сань снова начал оглядываться в поисках источника знакомого звука. Се Яньчжоу, стоявший ближе, опустил взгляд.

Глаза Жун Цзюаня загорелись зелёным огнём.

— Голоден.

На этот раз он не ругался.

До обеда было ещё далеко. Придворные повара приготовили лёгкие закуски. Утренний матч и расследование отняли много сил. Урчание живота юноши напомнило всем о голоде. Бу Сань отправил подчинённого за едой, и они уселись в ближайшей чайной беседке.

У Бу Саня было одно достоинство: он не был слишком скован ни в присутствии Великого инспектора, ни рядом с Се Яньчжоу. С ним атмосфера становилась непринуждённой.

— Ещё немного, и ничего бы не осталось.

Жун Цзюань с набитыми щеками посмотрел на него.

— Знаешь, что это? — зловеще спросил Бу Сань, указывая на одно из блюд.

Юноша, продолжая жевать, покачал головой. К его щеке прилипли крошки. Се Яньчжоу несколько секунд смотрел на него, и его пальцы невольно дёрнулись.

— А ты знаешь? — внезапно поднял на него глаза Жун Цзюань.

Пальцы Се Яньчжоу снова незаметно сжались.

— Жареные утиные лапки, — ровным голосом ответил он. — Принцип тот же, что и с варкой лягушки в тёплой воде. Живую утку ставят на раскалённый железный лист. Постепенно нагревая его, заставляют её прыгать, пока лапки не прожарятся. Затем их отрубают и подают на стол.

— ...

К счастью, он ещё не успел попробовать это блюдо.

Издали доносились гневные вопли наследного принца:

— Шарлатаны, вы все шарлатаны! Не можете вылечить мою ногу — все умрёте!

При воспоминании о его окровавленной конечности, которую уносили на носилках, жареные

утиные лапки, естественно, не могли появиться на столе. Вместе с криками раздавалось отчаянное ржание лошадей. Император приказал не оставлять в живых ни одну лошадь, у которой обнаружатся хоть малейшие проблемы. Ветер дул в их сторону, донося запах крови.

Сладкий вкус пирожных перебивал этот запах. Жун Цзюань с непроницаемым лицом медленно ел.

«Я задам тебе лишь один вопрос: ты вернёшься в поместье или нет?»

Утренние слова Жун Чэнлиня всплыли в памяти.

«Он ведь не имел в виду „вернуться в загробный мир“?»

То, что наследный принц, извиняясь перед ужюнами, оказался в том месте, было случайностью. Но то, что там оказался Жун Цзюань — было закономерностью. Место его службы находилось недалеко от ипподрома. К тому же, его предшественник был безрассуден, обожал верховую езду и никогда не думал о своём здоровье. Увидев такого прекрасного коня, было бы странно не попробовать на нём прокатиться.

Спустя долгое время Жун Цзюань спокойно посмотрел в сторону шатра Правого канцлера. В его взгляде не было ни капли тепла.

[Малыш Жун.] — выскочила Система. — [Отцеубийство — тяжкий грех. Даже охранная грамота не спасёт тебя, если ты убьёшь канцлера.]

Несколько ударов палками — и он косвенно будет мёртв.

— Я знаю, — ровным голосом ответил юноша.

Чтобы избавиться от Жун Чэнлиня, нужно было много думать. А он этого очень не любил. Есть ли способ решить всё одним махом?

Он серьёзно задумался на три секунды. Может, всё-таки просто убить его?

[...]

Се Яньчжоу, словно что-то почувствовав, поднял на него глаза. Жун Цзюань одарил его ангельской улыбкой, будто мимолётная вспышка жестокости была лишь игрой воображения.

***

Заметки на полях

Неофициальная история: как правильно использовать охранную грамоту?

Император сказал: «Богатство не должно утекать к чужакам».

Жун Цзюань в собственных глазах: спокойный, милосердный, осмотрительный. Даже при разногласиях не доводит дело до открытой ссоры.

Жун Цзюань в глазах Се Яньчжоу: жадный жеребёнок, гордая дикая кошка, красиво поющий дельфин, пугливый бурундук.

<http://bllate.org/book/15979/1499220>